

К вопросу о правомерности выделения неолита в лесной зоне (на примере неолита Прикамья)*

Резюме. Статья посвящена вопросам выделения эпохи неолита в лесной полосе. На основе анализа позднего мезолита, раннего и развитого неолита Прикамья делается вывод о наличии серьезных изменений в хозяйственной и социальной сферах. Эти изменения позволяют говорить о возможности перехода к неолиту на основе интенсивного присваивающего хозяйства, без появления элементов производящего хозяйства.

Ключевые слова: мезолит, неолит, Прикамье, камская культура, присваивающее хозяйство, производящее хозяйство, керамика, каменные индустрии.

Lychagina E. L. On the legitimacy of distinguishing Neolithic in the forest zone (with particular reference to the neolithic of the Kama basin). The article is devoted to the question of the legitimacy of distinguishing the Neolithic period in the forest zone. The Late Mesolithic and Neolithic assemblages of the Kama region are indicative of important economic and social changes occurring at that time. The available evidence shows that while the Mesolithic to Neolithic transition was accompanied by a substantial intensification of foraging economies, no signs of food production can be identified for this period.

Keywords: Mesolithic, Neolithic, Kama basin, Kama culture, foraging economy, producing economy, pottery, stone industries.

В современной науке существует два подхода к понятию «неолит» — западный и восточный. Западный подход исходит из определения неолита, данного Г. Чайлдом, который выделял в качестве ведущей черты появления производящего хозяйства — земледелия и скотоводства. В трудах современных исследователей эта черта дополняется переходом к прочной оседлости, социальной дифференциацией, появлением новых технологий (новые способы обработки камня, появление посуды из глины, ткачество и др.) и строительством мегалитических сооружений (Piezonka 2012: 23–24).

Восточный подход на первое место ставит технологические изменения и, в первую очередь, появление посуды из обожженной глины — керамики (Ошибкина 2006: 248–251). К другим чертам неолита, в рамках восточного подхода, можно отнести: новые способы обработки камня, распространение домов-полуземлянок, переход к прочной оседлости за счет развития высокоинтенсивного рыболовства и охоты, изменение мировоззрения (Chairkina, Kosinskaya 2009: 209–235).

* Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ, проект № 13-11-59003а/У.

Сравнение обоих подходов показывает, что основная разница касается признания или отрицания возможности серьезных социальных изменений без перехода к производящему хозяйству.

Существует ли разница между социальным устройством мезолитических и неолитических племен в лесной полосе? Можно ли за технологическими изменениями (и в первую очередь появлением керамики) видеть нечто большее, нежели появление технических новинок? Попробуем разобраться в этом вопросе на основе анализа тех изменений, которые происходят в позднем мезолите — неолите Прикамья.

Под Прикамьем в данной статье мы понимаем обширный регион, охватывающий территорию Среднего Предуралья — бассейн р. Кама и ее притоков (р. Чусовая, р. Вятка, р. Белая и др.).

Камская мезолитическая культура была выделена О. Н. Бадером на основе анализа материалов памятников (Огурдино, Нижнее Адищево и др.), изученных им в середине XX в. (Бадер 1960; 1966). В ходе дальнейших исследований в культуре было выделено три основных этапа: ранний (усть-сылвенский), развитый (огурдинский) и поздний (усть-половинкинский) (Лычагина 2009: 145–153).

Позднемезолитические памятники, в основном, располагались на низких береговых террасах или в поймах небольших рек, что серьезно отличается от расположения памятников огурдинского этапа, находящихся, как правило, на высоких бортовых террасах. О возможности перехода к прочной или частичной оседлости свидетельствует наличие жилищ на таких памятниках, как Усть-Половинное, Шабуничи, Чашкинское Озеро V и др. (Мельничук и др. 2001: 142–161). Для позднего мезолита характерны однокамерные полуземлянки подквадратной или подпрямоугольной формы, площадью 25–45 кв. м, с 1–3 очагами и хозяйственными ямами (рис. 1: 1).

Для каменной индустрии характерна деградация пластинчатой техники, что привело к увеличению средних размеров пластин (более 50 % пластин имели ширину более 1 см, в то время как на огурдинском этапе до 90 % пластин имели ширину до 1 см) и ухудшению их качества. Из-за этого увеличилось количество пластин со следами вторичной обработки (20–30 % от всех пластин) (рис. 2: 4–45). В позднем мезолите появляются и такие изделия, характерные для неолитического времени, как орудия с двусторонней обработкой и шлифованные орудия типа тесел (рис. 2: 53–54). В качестве сырья для изготовления орудий начинает использоваться плитчатый кремль (Лычагина 2008: 52–55; Мельничук и др. 2001: рис. 2–10). Имеющиеся радиоуглеродные даты позволяют отнести поздний этап камской мезолитической культуры ко 2-й половине VII тыс. до н. э. в калибровочных значениях (Lychagina, Zaretskaya 2011: 164).

При выделении неолита Прикамья основным критерием для исследователей было появление керамики. В неолите Прикамья выделяют две культуры: камскую и волго-камскую (Лычагина 2008: 63–75). Первая связана с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом, вторая — с керамикой, орнаментированной наколами. В данной работе речь пойдет только о камской культуре, которую исследователи считают автохтонной — т. е. связанной с поздним этапом камской мезолитической культуры.

Понятие «камская неолитическая культура» было введено в науку О. Н. Бадером (Бадер 1970: 157). Им же было предложено деление культуры на два этапа:

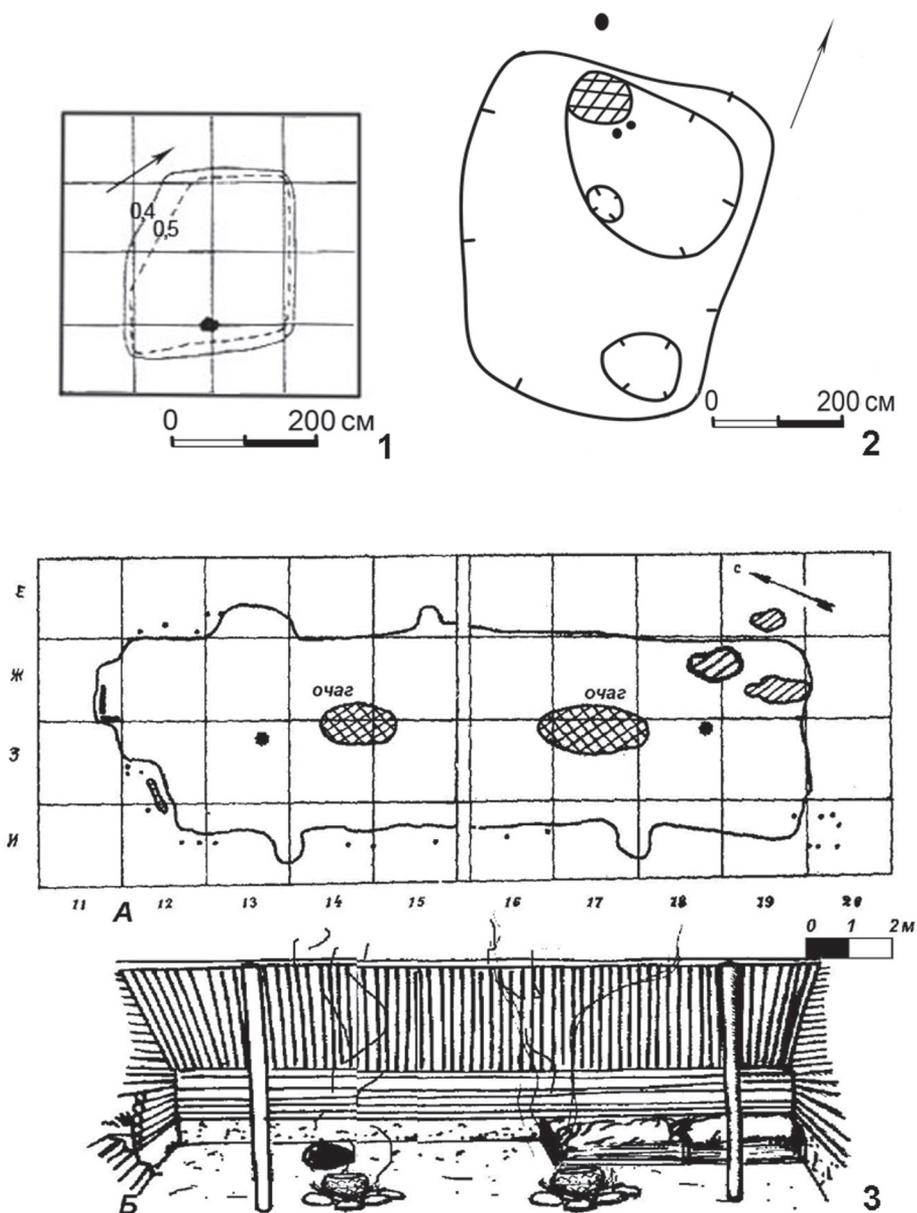

Рис. 1. Планы жилищ. 1 — Усть-Половинное (по Мельничук и др. 2001: рис. 1: 3); 2 — Тархан I (по Гусенцова 1993: рис. 104: 3); 3 — Хуторская (по Лычагина 2008: рис. 29).

Fig. 1. Plans of dwellings. 1 — Ust-Polovinnoe (after Мельничук и др. 2001: fig. 1: 3); 2 — Tarkhan I (after Гусенцова 1993: fig. 104: 3); 3 — Khutorskaya (after Лычагина 2008: fig. 29).

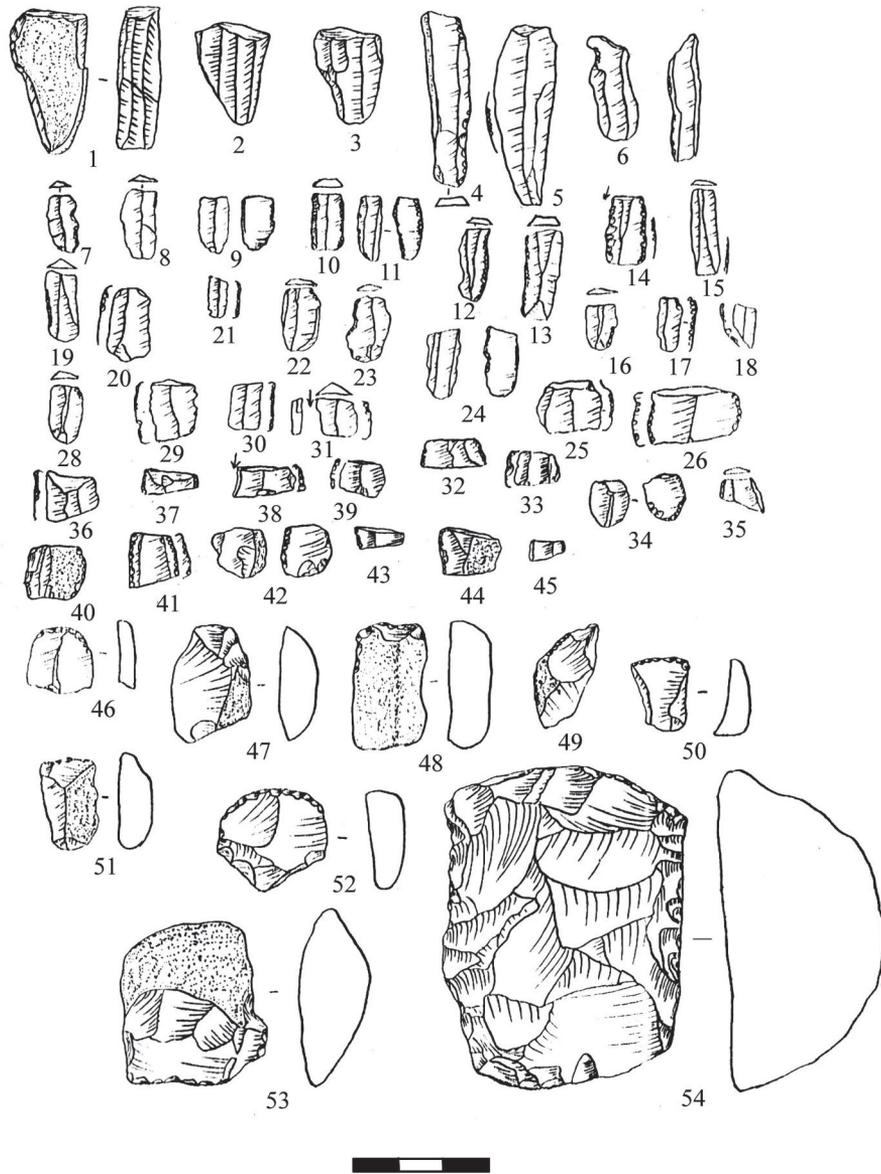

Рис. 2. Каменный инвентарь позднемезолитической стоянки Усть-Половинное (по Мельничук и др. 2001: рис. 5–6).

Fig. 2. Stone inventory from the Late Mesolithic site of Ust-Polovinnoe (after Мельничук и др. 2001: fig. 5–6).

хуторской (развитый неолит) и левшинский (поздний неолит) (Бадер 1978: 72–74). С открытием в 1970–1980-е гг. ранненеолитических памятников в периодизации был выделен еще один этап (Васильев, Выборнов 1993: 20–21). В настоящее время в камской неолитической культуре выделяется три этапа: ранне-неолитический, хуторской и левшинский (Лычагина 2008: 63–75).

Памятники раннего неолита располагались на всхолмлениях в поймах небольших рек, впадающих в Каму и Вятку (Мокино, Усть-Букорок, Тархан I), первой надпойменной террасе Камы и ее притоков (Усть-Шижма I, Щербеть II). В целом, мы можем отметить, что население Прикамья поднемезолитического и ранненеолитического времени выбирало сходные места для стоянок.

Остатки жилищ камской культуры изучены на стоянках Усть-Букорок и Тархан I. Они представляют собой сооружения площадью 25,5–66 кв. м, подпрямоугольной формы, углубленные в материк на 30–40 см, с одним очагом, расположенным в непосредственной близости от выхода, и хозяйственными ямами (рис. 1: 2). Незначительное количество изученных ранненеолитических построек не позволяет нам делать далеко идущие выводы, однако мы можем отметить, что особой разницы между постройками позднемезолитического и ранненеолитического времени не прослеживается. В обоих случаях изучены небольшие полуземлянки подпрямоугольной или подквадратной формы с очагами и хозяйственными ямами.

Для каменной индустрии раннего этапа камской культуры характерны использование в качестве сырья галечникового и плитчатого кремня, пластинчато-отщеповая индустрия с преобладанием орудий на узких и средних пластинах (Выборнов, Крижевская 1988: рис. 1; Выборнов 1992: рис. 13; Гусенцова 1993: рис. 61; Мельничук и др. 2001: рис. 11–12). Нуклеусы параллельного принципа скалывания — призматические, конические вплоть до карандашевидных (рис. 3: 21–22). Основные категории орудий: пластины и сечения с ретушью (рис. 3: 1–6), концевые скребки (рис. 3: 7–10), резцы на углу сломанной пластины (рис. 3: 13–16), острия на пластинах. В то же время выделяется группа орудий с бифасиальной обработкой, изготовленных из плитчатого кремня — ножи, наконечники стрел (рис. 3: 17–20). Также встречаются шлифованные орудия — топоры, тесла.

Описанная выше индустрия несет на себе черты как мезолитической эпохи (широкое использование пластин с краевой ретушью, концевые скребки на пластинах, угловые резцы), так и неолитической (орудия с бифасиальной обработкой на плитке). Аналогичная индустрия фиксируется и на позднемезолитических памятниках Прикамья (о чем уже упоминалось выше) — Усть-Половинное, Шабуничи, Голый Мыс, Усть-Мечкар (Мельничук и др. 2001: рис. 2–10). Все это может свидетельствовать в пользу предположения о том, что сложение камской неолитической культуры происходило на основе местного позднего мезолита.

Судя по имеющимся датам, ранний этап камской неолитической культуры может быть датирован в пределах 2-й половины VI — 1-й половины V тыс. до н. э. в калибровочных значениях (Лычагина 2011а: 28–33). Имеющийся хронологический разрыв (около 500 лет) между датами позднемезолитических и ранненеолитических памятников, по всей видимости, связан с отсутствием достаточного количества радиоуглеродных дат (особенно для позднемезолитических памятников).

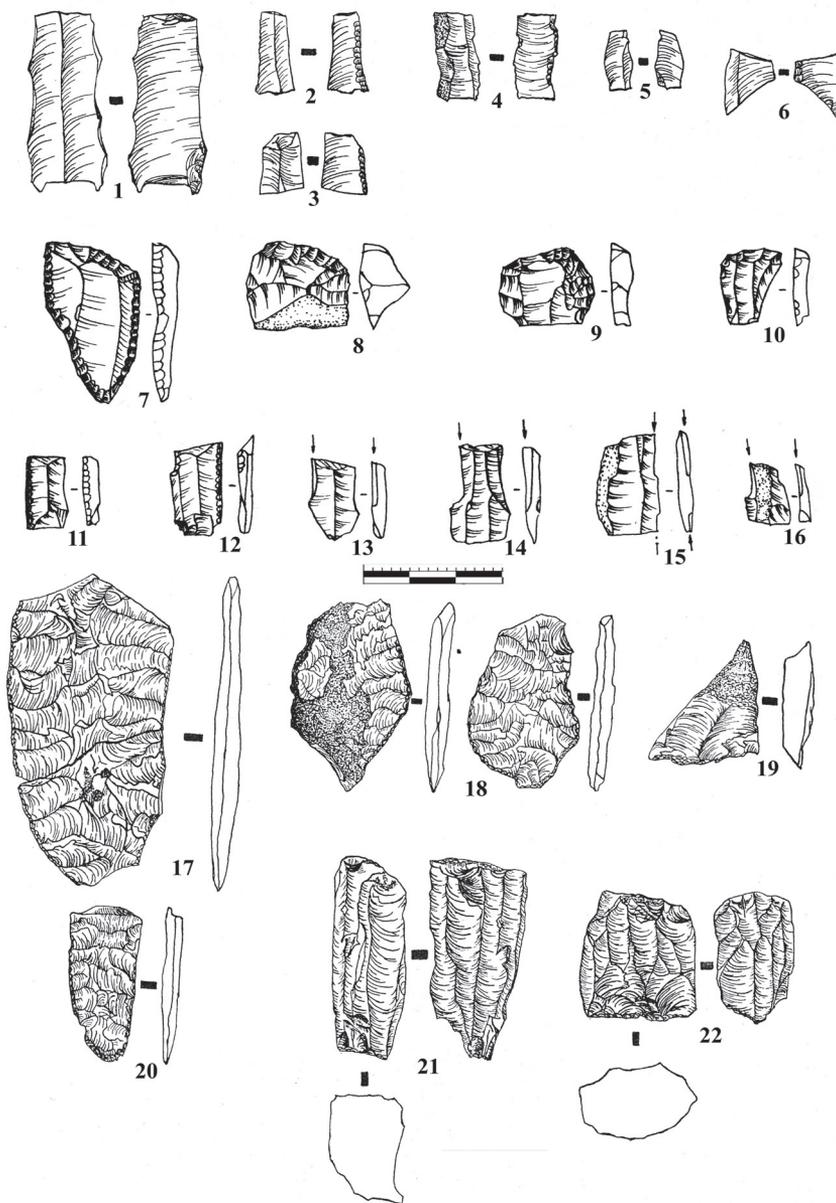

Рис. 3. Каменный инвентарь ранненеолитических памятников камской культуры. 1–6 — Усть-Бугорок; 7–16 — Зиарат; 17–22 — Мокино (по Выборнов 1993: рис. 13; Мельничук и др. 2001: рис. 12–13).

Fig. 3. Stone inventory from the Early Neolithic sites of the Kama culture. 1–6 — Ust-Bugorok; 7–16 — Ziarat; 17–22 — Mokino (after Выборнов 1993: fig. 13; Мельничук и др. 2001: fig. 12–13).

Проведенное нами сравнение позднемезолитических и раннеолитических памятников Прикамья показало, что именно появление керамики является основным критерием для отделения одних от других. Все остальные изменения — переход к частичной или полной оседлости (о чем свидетельствует появление жилищ-полуземлянок), увеличение роли рыболовства (косвенно об этом свидетельствует расположение позднемезолитических памятников в поймах и на невысоких террасах небольших рек, впадающих в Каму и Вятку), изменения в технике обработки камня (распространение техники шлифования и бифасиальной обработки) — произошли уже в позднем мезолите.

Важной составляющей этой, во многом единой, эпохи, стал постепенный переход к оседлому образу жизни. Именно он сделал востребованным такое изобретение, как керамика.

Керамические комплексы на всех памятниках раннего этапа камской культуры незначительны (3–250 фрагментов). И. Н. Васильева провела технологический анализ керамики стоянки Зиарат (Васильева, Выборнов 2012: 37–39). Анализ показал, что в качестве сырья для изготовления посуды использовалась жирная железенная глина. Формовочная масса состояла из сухих смесей: дробленой глины и шамота в концентрации 1:1, 1:2, 1:3, которые буквально «склеивались» органическим раствором. При этом доля использованной крупной фракции шамота (менее 3–5 мм) составляла 70 %. Вопрос о происхождении керамики камской культуры пока до конца не изучен. Сравнение керамики камской культуры с раннеолитической керамикой степных и лесостепных районов Урало-Поволжья показало их разное происхождение. По всей видимости, истоки традиции изготовления керамики из сухой глины с обильной примесью шамота надо искать непосредственно в лесной полосе.

Таким образом, мы можем говорить о том, что появление керамики на первых порах не привело к серьезным изменениям ни в хозяйственной, ни в общественной жизни, наоборот, ее появление было обусловлено теми изменениями, которые происходили в позднем мезолите (развитие рыболовства и новых форм охоты, частичный переход к оседлости и т. д.). Т. е. отделение раннего неолита от мезолита мы производим по формальному признаку — наличию керамики.

Посмотрим, происходят ли изменения в развитом неолите Прикамья. Для развитого (хуторского) этапа камской неолитической культуры характерно расположение памятников на невысоких борových террасах и всхолмлениях в поймах крупных рек (Кама, Вятка) и на старичных озерах. Такое расположение может быть связано со значительной ролью рыболовства в хозяйственной деятельности населения.

Еще одной характерной чертой является строительство крупных (до 100 кв. м и больше) подчетыреугольных жилищ-полуземлянок и землянок с долговременными очагами и хозяйственными ямами (рис. 1: 3) (Лычагина 2008: 66–72). Увеличение размеров жилищ, по сравнению с предыдущей эпохой, косвенно свидетельствует об увеличении численности социальных коллективов и возможности перехода к позднеродовой общине. Средние размеры памятников, по сравнению с ранним неолитом, также увеличиваются.

Для керамики характерны крупные полуяйцевидные сосуды со слегка прикрытым горлом. Около 2/3 сосудов имеют наплыв на внутренней стороне

венчика (рис. 4). Формовочная масса у всей керамики плотная, имеет примесь шамота и песка. Орнамент представлен отпечатками гребенчатого штампа, часто дополняемого ямочными вдавлениями. Узоры состояли из отпечатков «шагающей гребенки» (до половины всех сосудов), зигзага, вертикальных, наклонных и горизонтальных линий штампа. Встречаются сложные композиции из заштрихованных треугольников, ромбов, прямоугольников. Реконструированные сосуды могли использоваться как для приготовления пищи (о чем свидетельствуют следы нагара на внутренней и внешней поверхности), так и для хранения припасов.

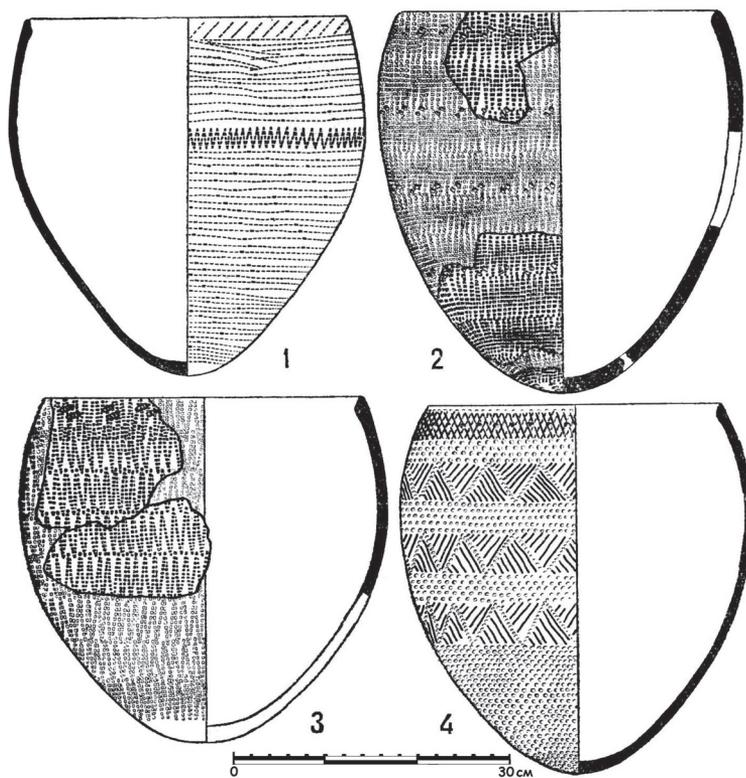

Рис. 4. Реконструкция сосудов Хуторской стоянки (по Денисов 1960: рис. 7).

Fig. 4. Reconstruction of vessels from Khutorskaya (after Денисов 1960: fig. 7).

Для каменного инвентаря характерна отщепово-пластинчатая индустрия. Широко использовались местная галька и плитчатый кремь. Основным видом обработки гальки и плитки была бифасиальная. В то же время до 1/3 орудий на большинстве памятников составляют изделия на пластинчатых заготовках с краевой односторонней ретушью. Набор орудий состоял из ножей, наконечников, долотовидных орудий, скребков различных форм (рис. 5). Для

изготовления орудий для обработки дерева активно использовалась техника шлифования. Они представлены топорами, теслами, стамесками (Денисов 1960: 34–72; 1961: 6–21; Денисов, Мельничук 1991: 21–32).

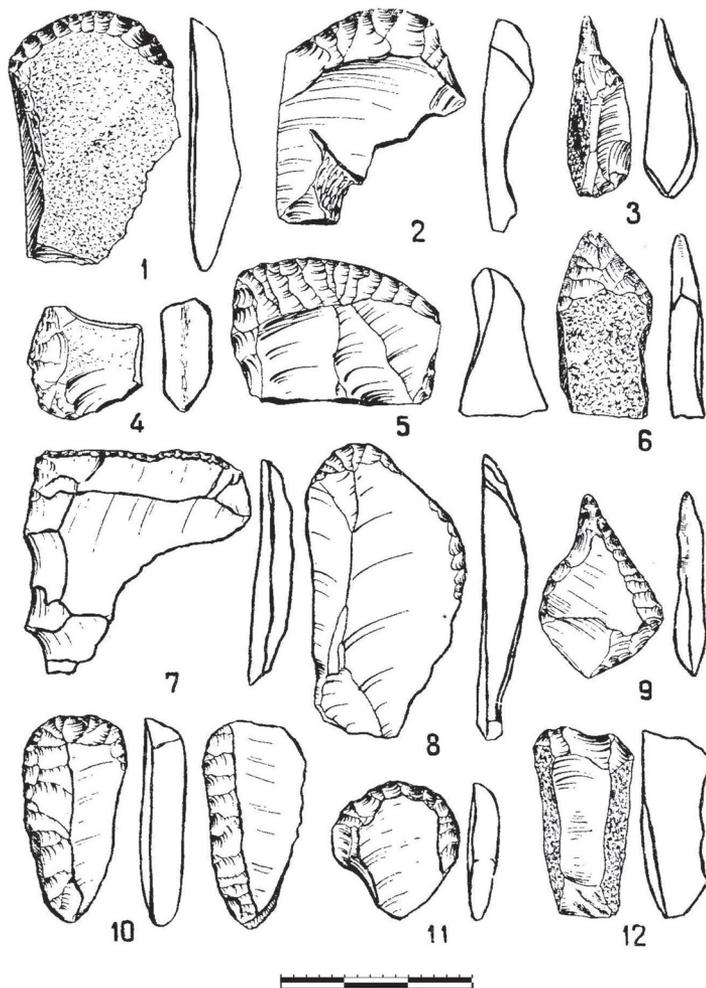

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Хуторская (по Денисов 1960: рис. 16).

Fig. 5. Stone inventory from the Khutorskaya site (after Денисов 1960: fig. 16).

Трасологический анализ каменного инвентаря раскопа VI Хуторской стоянки показал, что ведущую роль играли орудия, связанные с разделкой добычи (мясные, рыбные ножи) и обработкой дерева. Преобладание мясных (рыбных) ножей над орудиями охоты и обработки шкур косвенно может свидетельствовать о ведущей роли рыболовства на памятниках, расположенных на старичных озерах (Лычагина, Поплевко 2011: 4–10). Судя по имеющимся радиоуглеродным

датам, этот этап может быть датирован 1-й половиной — серединой V тыс. до н. э. (Лычагина 2011б: 171–172).

Никаких следов производящего хозяйства на памятниках развитого этапа камской неолитической культуры обнаружено не было (Лычагина 2010: 227–231). Однако несмотря на это, мы можем говорить о том, что именно в развитом неолите происходят серьезные изменения, которые свидетельствуют об оптимальном использовании имеющихся природных ресурсов — развитии комплексного хозяйства на основе рыболовства, охоты и собирательства. Эффективная адаптация к природным условиям климатического оптимума атлантического периода способствовала формированию прочной оседлости (свидетельством чего являются большие жилища-полуземлянки), увеличению численности населения (увеличение площади стоянок и количества артефактов), изменению в мировоззрении (появление общеплеменных святилищ на крупных реках, типа Камня Писаного на р. Вишера) (Лычагина 2008: 111–114).

Таким образом, мы считаем, что выделение неолита в лесной полосе без элементов производящего хозяйства — правомерно. Качественные изменения, происходившие в эпоху позднего мезолита — раннего неолита, привели к формированию новых общественных отношений, вполне сопоставимых с теми, что характеризуют неолит лесостепных и степных регионов с элементами производящего хозяйства.

Литература

- Бадер О. Н. 1960. Основные этапы этнокультурной истории и палеографии Урала // МИА 79, 88–103.
- Бадер О. Н. 1966. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // МИА 126, 194–205.
- Бадер О. Н. 1970. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука: 157–171.
- Бадер О. Н. 1978. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА 153, 72–74.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А. 1993. Некоторые итоги изучения неолита Волго-Камья // Борзунов В. А., Васильев И. Б. (ред.). Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии Уральского отд. РАН, 20–21.
- Васильева И. Н., Выборнов А. А. 2012. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции 8, 25–41.
- Выборнов А. А. 1992. Неолит Прикамья. Самара: Изд-во Самарского пед. ун-та.
- Выборнов А. А., Крижевская Л. Я. 1988. Ранне-неолитическая стоянка Зиарат в низовьях р. Белая // КСИА 193, 72–74.
- Гусенцова Т. М. 1993. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та.
- Денисов В. П. 1960. Хуторская неолитическая стоянка // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III. Пермь: Пермское книжное издательство, 34–72.
- Денисов В. П. 1961. Кряжская неолитическая стоянка // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. М.: ИА АН СССР, 6–21.

- Денисов В. П., Мельничук А. Ф. 1991. Второе жилище Хуторской стоянки // Неолитические памятники Урала. Свердловск: Уральское отд. АН СССР, 21–32.
- Лычагина Е. Л. 2008. Каменный век Пермского Предуралья. Пермь: Изд-во Пермского гуманитарно-педагогического ун-та.
- Лычагина Е. Л. 2009. Вопросы периодизации камской мезолитической культуры // ТАС 7, 145–153.
- Лычагина Е. Л. 2010. О хозяйственных занятиях населения Среднего Предуралья в эпоху позднекаменного века // Известия Самарского Научного Центра РАН 12(6), 227–231.
- Лычагина Е. Л. 2011а. О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // АЭАЕ 1, 28–33.
- Лычагина Е. Л. 2011б. Неолит — энеолит Верхнего и Среднего Прикамья. Вопросы происхождения и хронологии // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (ред.). Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.; Великий Новгород; Старая Русса: Новгородский технопарк, 171–172.
- Лычагина, Е. Л., Поплевко Г. Н. 2011. Возможности комплексного анализа каменного инвентаря (на примере раскопа VI стоянки Хуторская) // ВИАЭ 1, 4–10.
- Мельничук А. Ф., Бординских Г. А., Мокрушин В. П., Дегтярева М. И., Лычагина Е. Л. 2001. Новые позднемезолитические и раннеолитические памятники в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Бerezники: Изд-во Пермского ун-та, 142–161.
- Ошибкина С. В. 2006. О раннем неолите лесной зоны // ТАС 6, 248–253.
- Chairkina N. M., Kosinskaya L. L. 2009. Early hunter-gatherer ceramics in the Urals and Western Siberia // Jordan P., Zvelebil M. (eds.). Ceramics before Farming. The Dispersal of Pottery among Prehistoric Eurasian Hunter-Gatherers. Walnut Creek: Left Coast Press, 209–235.
- Lychagina E., Zaretskaya N. 2011. Radiocarbon chronology of the early Holocene archaeological sites within the Cama region (Cis-Ural): problems and perspectives // Radiocarbon and Archaeology. 6 International Symposium, Cyprus, Pafos, April 10–15, 164.
- Piezonka H. 2012. Stone Age hunter-gatherer ceramics of North-Eastern Europe: new insights into the dispersal of an essential innovation // DP XXXIX, 23–51.

Список сокращений

КАЭ	— Камская археологическая экспедиция
СНЦ	— Самарский научный центр
ТГОМ	— Тверской государственный объединенный музей